

Сборник «Карельские эпические песни» — значительный вклад в советскую фольклористику. Острая политическая направленность каждой детали работы составителя и редактора, правильно избранный тип издания, бережное отношение к народному слову безусловно обеспечат ему успех как у широкого читателя, так и среди специалистов.

Вместе с тем сборник не свободен от некоторых недостатков. Обращает на себя внимание досадное отсутствие нотных записей рун, совершенно необходимых в таком сборнике. Руны, как и всякие другие песни, не могут быть изучены без привлечения музыковедов, без всестороннего раскрытия художественного образа, творимого сказителем. Отсутствие нотных записей ощущается особенно остро потому, что в К.-Ф. ССР в послевоенные годы совершенно не ведется работа по собиранию и изучению карельской народной музыки.

Вызывает некоторое удивление «обезличивание» работы переводчиков — отсутствие фамилий переводчиков, осуществивших прозаический либо поэтический перевод той или иной руны. Между тем переводы отдельных рун далеко не равноценны. И, наконец, предисловие написано несколько неровно. Ясность и простота формулировок подчас сменяются туманными и запутанными фразами, вроде «древние элементы сюжетов рун «Калевалы» идейно цементировались в композиции тех или иных карело-финских эпических песен» (стр. 4) и т. п.

Отмеченные недостатки, однако, не снижают общей высокой ценности сборника. «Карельские эпические песни» являются существенным вкладом в советскую науку.

К. В. Чистов

НАРОДЫ АФРИКИ

С. Р. Смирнов, *Восстание махдистов в Судане*, Академия Наук СССР, Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. VI, М.—Л., 1950, стр. 101.

Одной из наиболее характерных особенностей советской этнографической школы является ее тесная взаимосвязь с исторической наукой в целом. Советские этнографы, не ограничиваясь рамками собственно этнографических источников и узко-этнографических вопросов, выступают как историки, владеющие комплексным методом исследования, что позволяет привлекать различные исторические источники для решения этнографических проблем и, наоборот, — этнографические материалы для изучения вопросов политической истории. Такова именно работа С. Р. Смирнова, где автор посредством привлечения этнографических данных всесторонне освещает один из важнейших периодов политической истории Судана — восстание махдистов.

В 13 главах рецензируемой работы последовательно рассматривается положение Судана накануне восстания, основные моменты истории колониального раздела Восточной Африки, причины восстания махдистов, его ход, характер, сущность и значение махдистского движения и причины его неудачи. Автор убедительно показывает, что восстание махдистов, несмотря на его религиозную окраску, являлось борьбой широких народных масс Судана против агрессии английского империализма, национально-освободительным движением, носившим «ярко выраженный антиимпериалистический, антибританский характер». Этот основной вывод правилен и хорошо аргументирован, а работа С. Р. Смирнова, дающая в условиях непрекращающейся и все более усиливающейся борьбы суданского и египетского народов за свою национальную независимость яркую картину одного из крупнейших национально-освободительных движений эпохи империализма, является весьма актуальной.

В работе очень хорошо и четко показан социальный характер махдистского движения и созданного им государства. На первом своем этапе, до момента овладения столицей Судана Хартумом, движение имело широкий, всенародный характер: махди был выразителем стремлений народных масс, а верхушка суданского общества, не направляя движения, примкнула к нему для того, чтобы хотя частично использовать восстание в своих интересах. На втором этапе, после взятия Хартума и изгнания англо-египетских захватчиков за пределы страны, началось феодальное перерождение махдистского государства. Феодально-рабовладельческая верхушка захватила политическую власть и резко усилила эксплуатацию народных масс. Это привело к расколу и ослаблению движения и в результате — к победе английских захватчиков, со своей стороны всемерно разжигавших борьбу между феодальным и народным лагерьями махдистского государства.

Правильно охарактеризована автором диалектическая сущность махдизма в Судане: реакционное по своей идеологии махдистское движение объективно сыграло прогрессивную роль, будучи направлено против колониальной системы английского империализма и, как все другие антиимпериалистические движения, расшатывая эту систему. Следовало бы все же, нам думается, более определенно указать на связь махдистской идеологии с панисламизмом, о чем в работе говорится лишь мимоходом, и дать более обстоятельную критику именно этой части реакционного махдизма.

Глубокий историзм рецензируемой работы едва ли не лучше всего проявляется в даваемой автором периодизации истории восстания махдистов в Судане. Три периода восстания неразрывно связаны с определенными этапами истории колониального раздела Восточной Африки. На большом фактическом материале автор показывает, что стремление английских империалистов овладеть Суданом стояло в связи с английскими колониальными планами относительно соседних территорий, а различные формы английской агрессии находились в тесной зависимости от англо-франко-итальянских отношений, от соотношения сил в лагере империалистических хищников. В этом смысле борьба Англии за овладение Суданом являлась, как указывает автор, «стержневым моментом» англо-французского колониального соперничества, подытоженного в 1898 г. знаменитым фашодским инцидентом. На фоне исторических событий в работе отчетливо показана грязная беспринципность английской дипломатии, отвратительная разбойническая сущность внешней политики английского империализма.

Интересная и актуальная работа С. Р. Смирнова не лишена отдельных недочетов, обусловленных, на наш взгляд, недостаточным привлечением этнографических данных по Судану. К числу таких недостатков принадлежит в первую очередь не вполне ясная характеристика общественного строя суданских племен накануне восстания махдистов. Общественный строй этих племен (баккара и другие арабские кочевые племена Судана, которые, по словам автора, от баккара не отличаются) характеризуется как переходное состояние от первобытно-общинных отношений к классовым. Процесс разложения первобытной общины, указывает автор, зашел далеко, но в подтверждение этого приводятся лишь такие моменты, как отсутствие родовой экзогамии, свободный прием иноплеменников в состав племени, отсутствие строгого соблюдения племенных границ (стр. 5—6). В дальнейшем неоднократно отмечается, что суданские племена накануне восстания находились на стадии разложения первобытно-общинных отношений, а на стр. 98 говорится, что турецко-египетское завоевание (1820-е гг.) и развитая работорговля ускорили «процесс феодализации страны, четко наметившийся среди некоторых народов Судана, повидимому, еще в конце XVIII века». Уделяя значительное внимание работорговле, автор отмечает, что в результате этого промысла «среди одноплеменников, ранее представлявших однородную массу, выросло имущественное неравенство», а у родо-племенных шейхов «постепенно вырабатывались качества, которые в дальнейшем легли в основу образования нового класса феодалов» (стр. 6). Правда, на стр. 16 отмечается, что к моменту восстания в кочевых племенах выделилась феодально-рабовладельческая прослойка прежних родовых вождей, но этот вывод отнюдь не увязан со всем предшествующим и последующим изложением, в частности, с положением о том, что «махдистское восстание привело к ломке первобытной общины (!)...» (стр. 57).

Нам представляется, что автор работы несколько архаизирует общественный строй кочевых племен Судана. Процесс феодализации кочевых арабских племен четко наметился не в конце XVIII в., а значительно ранее: ведь именно этот процесс разложения первобытнообщинных отношений и становления отношений классовых, уже начиная с VII в., вызвал завоевательное движение арабских племен в Египет, Северную Африку и Судан. Имущественное расслоение в кочевых арабских племенах и, в частности, арабских племенах Судана, выросло не в период, непосредственно предшествовавший махдистскому восстанию, а уже в доисламскую эпоху: ведь в самых ранних исламских источниках наиболее обычным эпитетом для племенных старейшин — сайидов — является выражение «носители сотен», «обладатели сотен верблюдов». Нам думается поэтому, что при характеристике общественного строя арабских племен Судана накануне восстания махдистов автору следовало бы в первую очередь показать внутрплеменные отношения феодальной эксплуатации рядовых соплеменников шейхской верхушкой (не только в промысле охоты за рабами, но и в скотоводческо-земледельческом хозяйстве), которые уже на протяжении многих веков столь типичны для арабских племен Аравийского полуострова. Внимательное исследование внутрплеменных отношений в суданских племенах, отношений феодальной зависимости позволило бы усилить один из основных выводов рецензируемой работы: восстание махдистов носило не только национально-освободительный, но и антифеодальный характер. Чем иначе может объясняться отмечаемый автором махдистский призыв к равенству, борьба с роскошью, наименование махдистов «фуккара» — бедняками, притча махди о едущем слуге и идущем пешком хозяине и тому подобные типичные моменты?

Заметным недостатком рецензируемой работы является отсутствие развернутой этнографической характеристики населения Судана. Относительно подробно описывается лишь баккарское объединение, между тем другие кочевые и в особенности оседлые племена Судана во многом от баккара отличны. В частности, сам автор отмечает, что работорговля коснулась главным образом племен баккара (стр. 98). Отсутствие этнографической карты затрудняет восприятие материала, а в отдельных случаях приводит автора к ошибкам. Так, например, на стр. 16 племя джаалин фигурирует как кочевое, в действительности же джаалин — совершенно оседлое племя района Хартума и одновременно — общее название всех оседлых арабских племен Судана (от глагола — «быть оседлым»). В числе других мелких недочетов работы следует отметить непоследовательность в транскрибировании племенных и географических

ческих названий. В одних случаях эти названия даются в суданском произношении (гехена вместо джухайна, Гезира вместо Джезира), в других транскрибируются на основе литературного языка (джаалин и т. п.). Одно из баккарских племен именуется в работе хавазва вместо хавазма (арабийск.— хавазим). Сомнительным представляется выведение суданского «рассуа» (поход за рабами) из португальского «gazzia» (набег). В «рассуа» нельзя не видеть арабского ġazū, ġazīya (грабительский набег, аналогичный баранте), часто транскрибируемого в европейских как ġazi, ġazzia и весьма употребительного не только в португальском, но и во французском языке.

Совершенно очевидно, однако, что отмеченные пробелы и недочеты носят частный, второстепенный характер и отнюдь не умаляют значения рецензируемой работы — актуального и талантливого исследования, освещающего на основе марксистско-ленинской методологии сложный и совершенно неразработанный раздел истории национально-освободительной борьбы народов колониального Востока. Книга С. Р. Смирнова — новый солидный вклад в советскую историко-этнографическую литературу.

А. Першиц

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Те Ранги Хироа (П. Бак), *Мореплаватели солнечного восхода*. Перевод с английского М. В. Витова и Л. М. Сапгир под редакцией и с предисловием проф. С. А. Токарева, М., Изд-во иностр. лит., 1950.

Автор рецензируемой книги родился на Новой Зеландии, от матери-маорийки и отца — новозеландца ирландского происхождения. От первой он принял имя Те Ранги Хироа, от второго — Питер Бак. Маорийский язык является его родным языком, на котором он думает, хотя и пишет по-английски. Перед нами, таким образом, представитель 180-тысячного коренного населения Полинезии, испытывающего в настоящее время все ужасы колониального гнета. Это широко образованный человек, крупнейший специалист по этнографии Полинезии. Его перу принадлежит около 10 монографий. Этот факт сам по себе опровергает расистские утверждения американо-английских колонизаторов о недостаточном якобы для самоуправления уровне развития полинезийцев. Подобного рода утверждения совсем недавно прозвучали в Комитете по опеке ООН по отношению к полинезийцам о-вов Самоа. Выход в свет книги полинезийца Те Ранги Хироа на русском языке следует приветствовать.

Автор, исходя из тех сведений, которые имеются в полинезийских мифах о сотворении людей и островов, а также в легендах и преданиях о «знаменитых предках — мореходах и их плаваниях», излагает в популярной форме историю заселения Полинезии. Исходный пункт переселений — Индонезия, откуда предки полинезийцев, вытесненные, по мнению автора, монголоидными племенами, двинулись на восток, в Тихий океан. Последний факт — движение на восток — отражен в поэтическом названии книги.

Книга делится на главы, соответственно тому, как Полинезия делится на отдельные группы островов. В каждой главе излагается история заселения данной группы островов. Автор, начиная с 1920 г., сам побывал на многих островах и старается, как он сам пишет, — «вводить в повествование личные впечатления, придающие более живой колорит изложению».

Факт заселения Полинезии с запада не вызывает сомнений и установлен довольно точно до автора. Автор добавляет новый интересный аргумент: души умерших всегда уходят на запад, в страну предков (стр. 40). Положительным также является то, что автор детально изучил полинезийские генеалогии и отнесся к ним критически. Ему удалось увидеть то, что проглядели все западноевропейские ученые, которые различные добавления к имени, эпитеты и т. п. приняли за самостоятельные имена, не распознали умышленных искажений генеалогий, и т. д. Это очень важно, ибо генеалогии являются ценным историческим источником они охватывают около 6 столетий, и имена наиболее дальних предков в них одинаковы на разных островах (на Новой Зеландии, Маркизских о-вах и Гавайях). Но использовать генеалогии как источник можно лишь при условии критического к ним отношения. Те Ранги Хироа является первым ученым, выполнившим по отношению к Полинезии эти условия.

Будучи сам полинезийцем, зная свой народ, он сумел избежать фанстастических построений, столь характерных для многих западноевропейских и американских ученых. Его описания отличаются точностью и полнотой. Он сообщает ценные сведения о постройке лодок полинезийцами и об их плаваниях, подробно прослеживает пути заселения отдельных островов, устанавливает время их заселения и т. д.

Вместе с тем он ведет свое изложение в несколько приподнятом стиле, столь характерном для полинезийской речи.

Описывая например, спуск лодки на воду, он не преминет заметить, что «она изящно покачивалась, и вздымающиеся волны ее приветствовали» (стр. 51). Говоря о движении полинезийцев на восток, он сообщает о том, как «все дальше плыли сменяющие друг друга поколения; кровь их все больше пропитывалась морской